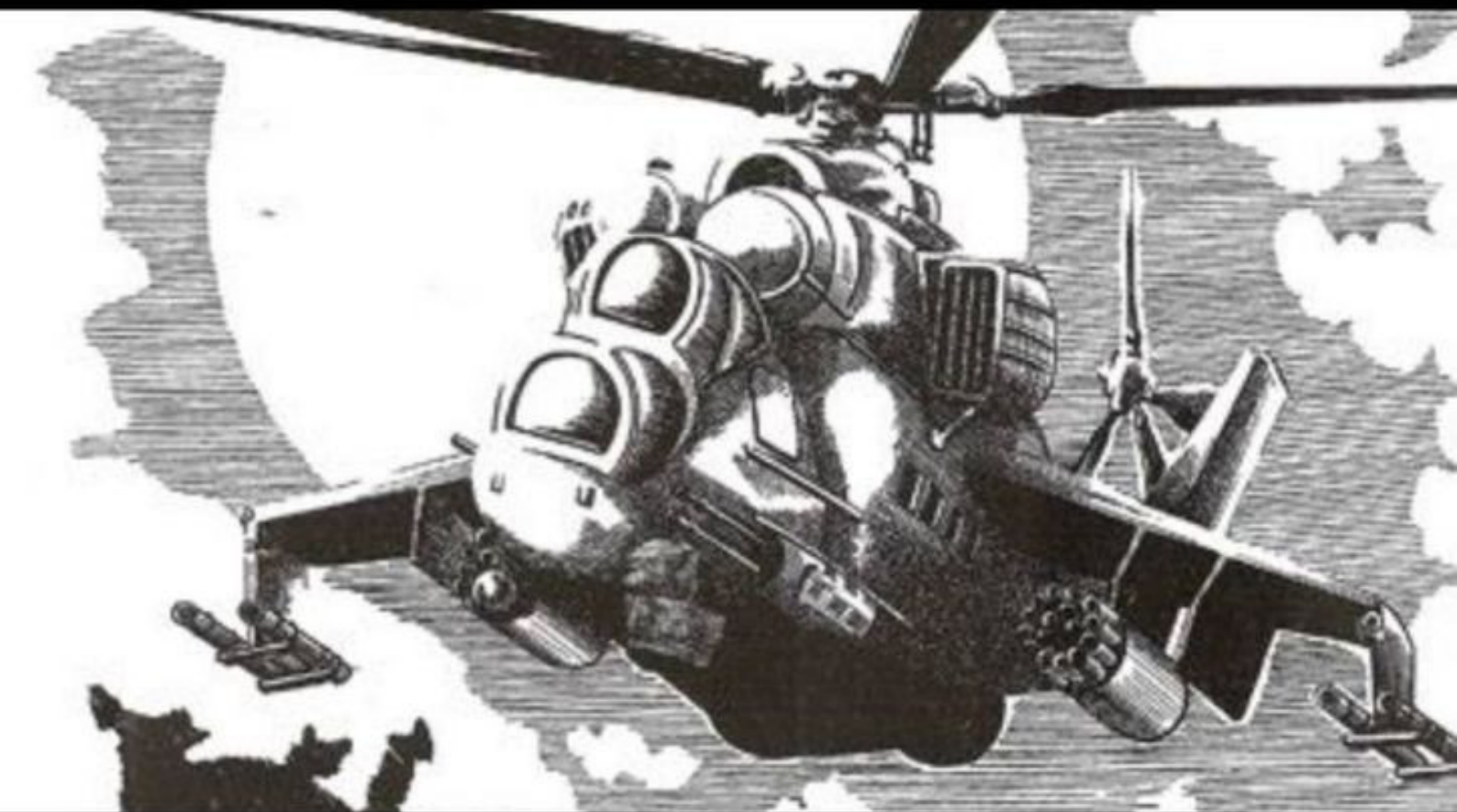


18+

Павел Мовчан



ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ

Стихи и рассказы

Павел Мовчан

Время и память. Стихи и рассказы

«Издательские решения»

Мовчан П.

Время и память. Стихи и рассказы / П. Мовчан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536481-4

Что сильнее: Время или Память? Отсчитывая каждый шаг, Время вот-вот сотрёт в порошок всё былое, оставив лишь самые яркие вспышки из Прошлого. Но Память бывает сильнее Времени. Память о днях, месяцах и годах, проведённых «за речкой», в стране величавых гор и смертельных серпантинов. Память о друзьях, деливших с тобой сухой паёк и капли воды из фляжки. Память о тех, кто остался восемнадцатилетними, погибшими за свою Советскую Родину, свой народ, своё Правительство. Погибшими ради нашей жизни. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-536481-4

© Мовчан П.

© Издательские решения

Содержание

Я не забыл тебя, Афганистан	7
Сон	7
Звёзды	8
Мечты	9
Я никогда в тебя не верил...	10
Слижу клубники сладкий аромат...	11
Письмо маме	12
Помню	13
Мамочка моя, я умираю...	14
Тем, которые...	15
Тридцатое двадцатилетие	16
Памяти товарища	17
То, за что мы в ответе...	18
Мне кажется...	19
Время не врач	20
Сержант	21
Двадцатилетние ветераны	22
Я афганский пленник	23
Я не забыл тебя, Афганистан	24
Третий тост	25
Три, один, двенадцать, восемь, семь	26
Проза	28
Безвременье	28
Нагаханский поворот	31
Marg Bar Shouravi!1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Время и память Стихи и рассказы

Павел Мовчан

Выражаю огромную благодарность моему однокласснику, другу и просто хорошему человеку Константину Ю. Мирзаянцу. Без тебя эта книга никогда бы не случилась!

«Если ветераны Афганистана, видевшие войну и участвовавшие в ней, не успеют написать свою правду о войне, за них её напишут другие. Но это будет уже другая правда, а вероятнее всего это будет ложь, прикрытая именами ветеранов».

А. Тарнакин, в 1981—1983 гг. комвзвода 70-й «Кандагарской» ОМСБр

Иллюстрации Александра Дяк-Шокот

© Павел Мовчан, 2024

ISBN 978-5-0053-6481-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Я не забыл тебя, Афганистан

Сон

Мне приснилось поле – всё в ромашках,
Залитое солнечными бликами.
Сквозь него бежал я без рубашки,
В небесах же журавли курлыкали.

Мне приснились ягоды на поле том —
Красные. И сладкие. И спелые.
Ты навстречу шла с тех ягод кузовком —
Стройная. Красивая. И смелая.

Мы увидели друг друга ещё издали,
И руками мы друг к другу потянулись.
А когда твоё дыхание услышал я,
Закричала «Ду'хи!» ты, и я проснулся...

Автомат. Разгрузка. Перевал.
Ты дождись меня – и будет поле в ягодах.
Только б АКМ не подкачал...
Не дождалась. Написала повесть заново.

Май 1988 года

Звёзды

А на небе средь света афганской луны
Тонких гвоздиков шляпки мерцают.
Одни – ярче, иные почти не видны:
Это души убитых страдают.

Это души ребят, кто не стал отдавать
Свою честь, заплатив Сатане,
Души тех, кто сменял в отчем доме кровать
На бессонные ночи в огне.

Сколько их полегло в том жестоком бою —
Знают камни безвестной высоты
В том немилом, голодном и чуждом краю...
А в Союз полетели «двухсотки».

И в последний полет в небо шли пацаны,
В те края, где их помнят и знают...
...А на небе средь света афганской луны
Тонких гвоздиков шляпки мерцают.

Август 1988 года

Мечты

Скажи, какие наши годы...
Ведь нам с тобою жить и жить,
Хотеть отчаянно свободы,
Любить и дружбой дорожить,

Взрослеть, учиться и пытаться
До звёзд ночных рукой достать,
Работать, в девушек влюбляться,
Надеждой и опорой стать...

...Мечты, мечты... Возможно, кто-то
Всё это сделает сполна.
А мы... «Подъём, солдат! Тревога!»
Ведь мы с тобою в ДРА...

Май 1988 года

Я никогда в тебя не верил...

Я никогда в тебя не верил.
И не крещен. Не причащался.
Твоей слезой не умывался,
А впрочем, как и ты – моею.

Не верю и теперь, уж извини.
Поверь, неверью есть причины,
Слова не юноши – мужчины...
Перед глазами ж – пацаны.

Они – другие. Не как я.
С жетоном рядом – крест на шее.
И шли вперед, тебе поверив,
Тебе молясь, чертей кляня.

Совсем мальчишки. Автоматы.
Разгрузка. Шлем. Бронежилет.
В один конец купив билет —
Хоть молодые, а – солдаты...

И вот их нет. Они в раю.
Тебе спасибо, приютил их.
Твои кресты на их могилах...
А я? Не верю. Но – живу.

Осень 1989 года, Москва.

Слижу клубники сладкий аромат...

Слижу клубники сладкий аромат,
Коснусь рукой каштановых волос...
Прощай, не плачь, никто не виноват,
Что мне служить Отчизне довелось.

Я буду помнить омут твоих глаз,
И навсегда запомню нежность рук,
И твоё тело – бархатный атлас,
И крик «Люблю», и сердца быстрый стук.

Сквозь холод зим и пекло жарких лет,
В горах страны, захлёстнутой войной,
Меня спасут
Мой голубой берет
И то, что ты всегда-всегда со мной.

Ноябрь 1988 года,

Письмо маме

Здравствуй, мама. Я жив и здоров.
Здесь, на Юге, тепло и красиво.
В горах видел двух диких козлов,
Они травку щипали лениво.

На рыбалку ходил поутру —
Рыбы столько, что всю не забрать.
Ротный повар сварганил уху,
Пообедал, теперь лягу спать...

А назавтра... а завтра – в поход.
Ты не бойся, не плачь просто так:
По «бетонке» в КамАЗе наш взвод
Хлеб доставит в далёкий кишлак.

Пробежим сотню вёрст «с ветерком»,
Нам здесь рады, и трассы чисты.
Мы здесь мирную жизнь стережём,
Строим ЛЭПы, дома и мосты.

Мам, целую! Салют всем родным!
Комсомольский привет друзьям!
И...

...уж если...
...вернусь я живым,
Никогда не забуду Афган...

Март 1988 года

Помню

Парням, прошедшим ад войны...

помню до вкуса крови
и до обстрелов закатных
как ты сдвигала брови
читая поэтов патлатых
как веселилась пьяно
и как пьянела быстро
среди студентов рьяных
в забытой почти столице
облако над перевалом
похожее на верблюда
там где-то отряд душманов
по нам минометы оттуда
и мы вгрызаемся в землю
как будто поможет твердыня
а ты и не вспомнишь наверно
а вспомнишь – так только имя
под небом ночным афганским
под вражеским перевалом
я помню как строки читая
ты брови красиво сдвигала...

Май 1988 года

Мамочка моя, я умираю...

...Мамочка моя, я умираю
И домой весною не вернусь,
Сердце плачет, кровью истекая...
Но не трус я, мама. Не сдаюсь.

Помутился взор, но ещё вижу:
Гладкий камень. Чёрный муравей.
Не спеши, тебя я не обижу...
Убежал. Пропал среди камней.

Моя жизнь, как будто в фильме старом,
Пролетает, кадрами шурша.
А в груди, в пожарище кровавом,
Болью задыхается душа.

Жизнь была в полоску, словно тельник,
Белый свет земли и неба синь.
Не медалей для, не ради денег
Пацаны в Афгане полегли.

Не косили и не откупались,
Не за славой стыли по горам,
Без воды в пустыне выживали,
Умирали от кровавых ран.

И теперь я тоже умираю,
Душу отдавая синеве.
Ухожу, но не сдаюсь. И знаю:
Умираю верным ВДВ.

Ноябрь 1988 года

Тем, которые...

Пацанам, чьи лица ночью снятся,
Чьи слова спросонья говорю,
Кто, упав, старался вновь подняться,
Песнь неторопливую пою.

Пацанам, которым восемнадцать
Только-только, может быть – вчера.
Им бы жить, учиться и влюбляться.
Но призвала на защиту их страна.

Пацанам, кто был всё время рядом
В тех краях, где мам нет и невест,
Там, где выпало нам под свинцовым градом
Свой, солдатский, с честью нести крест.

Пацанам, чьи руки пахнут кровью.
Пацанам, чьи лица все в пыли...
Третий тост – не чокаясь и стоя —
Тем, которые за речкой полегли...

15 февраля 2018 года

Тридцатое двадцатилетие

Памяти Васи Новицкого, погибшего 12.03.1988 года.

Ну, здравствуй, бача дорогой...
Сегодня вновь днюха твоя.
И вновь – кто один, кто с семьёй —
К тебе подтянулись друзья.

Не молоды, под пятьдесят.
Немного помяты судьбой.
Но взоры, как раньше, горят,
Как раньше, богаты душой.

У каждого – жизнь чередом,
Вот Витька всё пьёт, сатана.
И дед уже Славка Пахом,
У Вовки – вторая жена.

Мы водки выпьем молча, ты прости!
Мы вспомним в песнях наше лихолетье...
Сегодня отмечают шурави
Тридцатый раз твоё двадцатилетие...

29 мая 2018 года

Памяти товарища

Шумит листвой от ветра березка на погосте,
Посаженная осенью заботливой рукой.
Скамеечка и столик, чтобы присели гости,
И стопку опрокинули за вечный упокой.

Опрятно, чисто, убрано. Покрашена оградка,
Пострижен аккуратно газона изумруд.
А под травой газонною спит вечным сном солдата
Сержант Советской Гвардии, что Костею зовут.

Раз в год, без обещания, приходим сюда дружно,
Те, с кем когда-то Костя Присягу принимал.
Пьём молча водку горькую и вспоминаем службу
И бой его последний за чёртов перевал.

И задрожит мелодия, польётся следом песня,
Гитарными аккордами заполнит в горле ком.
Пусть тридцать вёсен убыло – мы здесь, мы снова вместе,
Никто забыт не будет, мы помним обо всём.

Гвардии младший сержант ВДВ САЕНКО К. А. погиб 22.11.1987 года
при выполнении боевой задачи в горах провинции Хост Демократической
республики Афганистан.

Небесной дороги, братишка.

То, за что мы в ответе...

...А в моей голове, где-то там, глубоко
Шорох палой осенней листвы,
Свет Луны, лай собаки, бутыл с молоком,
И мосты через реки Москвы...

...Позабывтый почти детский смех и костёр,
Матч футбольный на школьной «коробке»,
Звук неспешных шагов, ни о чём разговор,
Поцелуй на прощание робкий...

...Тишина на уроках и шум перемен,
Первый – с девочкой – медленный танец...
...Рёв моторов. Разгрузка. В руке – АКМ.
И метёт едкой пылью «афганец»...

Серпантин над «зелёной». Кишлак. Перевал.
Площадь Чёрная. Купол мечети...
...В голове глубоко – так, чтоб «дух» не достал,
То, за что навсегда мы в ответе.

Декабрь 1987 года

Мне кажется...

*Посвящаю пацанам Кандагарской разведки, принимавшей участие
в январе-феврале 1989 года в операции «Воздушный мост» в аэропорте
«Ариана» города Кандагар.*

Никто, кроме нас!

...Мне кажется, мы тут сойдём с ума...
Три дня боёв за наш аэропорт.
Три дня атаки духов, кутерьма,
Три дня в Союз идёт за бортом борт.

...Мне кажется, они сошли с ума!
Но нам-то что? Привыкли за пять дней.
Вот вновь мелькнула в оптике чалма
Да и пропала средь больших камней.

...Мне кажется, мои сойдут с ума,
Лишь похоронке стоит прилететь...
Здесь кружит пеленою февраля
Седоволосая и злая тётка Смерть.

Ну, вот и всё. В салоне свет погас.
Наш транспорт набирает высоту...
...Мне кажется... нет, слёзы душат нас,
В реальность превратив мечту...

Февраль 1989 года

Время не врач

Время льётся дождем, на стекле оставляя разводы,
Как когда-то на берцах горный наш серпантин.
Время больше не врач, и всё чаще на небо уходят
Те, кого называют друг, баба, побратим.

Время стёрло углы, расшатило столетние камни,
Ригестанским песком запорошило ленты дорог.
Время больше не ждёт, что мы справимся сами,
Всё сильнее и дотошней клетки памяти трёт.

Время будто свеча, оплавляясь и плача от жара,
Так спешит оторвать календарный истрёпанный лист.
И как будто грустней и печальней поёт под гитару
В переходе метро чуть хмельной шурави-вокалист.

Время давит гортань, заполняя собой без остатка
Каждый дюйм беспокойной, беззлобной советской души.
Время словно тиран, бьет наотмашь спокойно и гладко,
Чтоб потом насладиться нашим горем в погостной тиши.

Сержант

Рёвом металла разверзнулась Бездна
В душманском ущелье вдоль горной реки.
Своим автоматом – пером бесполезно —
Строчку за строчкой рожаю стихи.

В них не любовь, не проспектов просторы,
Нет в них покоя московских дворов.
В них – гарь и копоть горящих остовов
И моих братьев кипящая кровь.

Рядом сержант, истекающий кровью,
Шепчет мне в ухо, толкая назад:
«Пашка, к „вертушке“! Приказ! Я прикрою...»,
И с хрустом вонзает рожок в автомат.

Рокот винтов отразился о горы,
«Мишка», кренясь, уходил в облака...
...Взрыв одинокий последовал вскоре,
Оставив на память сержанта слова...

Август 1988 года

Двадцатилетние ветераны

Лунная ночь... Застава... «Зеленка»...
Ветер-афганец... Заряд за зарядом...
Где же ты, лучшая в мире девчонка?
Как я мечтаю с тобою быть рядом!

Ты никогда не увидишь метели,
Той, когда пыль вместо снега клубится.
Ты не услышишь пуль «духовских» трели,
В страшном кошмаре такое не снится.

Тут не кино на белёном экране:
Рёв миномётов, разрывы снарядов...
И мы не в Союзе. Мы служим в Афгане!
И нам ещё выжить до дембеля надо!

Ты никогда не поймёшь этой боли...
Вроде вчера лишь пайку делили...
Цинковый гроб и запах припоя...
Снова кого-то домой проводили...

Вновь замолчат, устав, «Ураганы»,
Мы разольём водки горькой пол-литра —
Двадцатилетние, но ветераны
В дикой стране, нашей кровью политой...

Март 1988 года

Я афганский пленник

Я афганский пленник...
Я давно в плену.
Я попал в тенета
В странную войну.
В ту, что вы не знали.
Предпочли забыть.
В ту, что отрицали:
«Так не может быть!»
Время не прощает,
Не стирает боль.
Та война по-прежнему
День и ночь со мной.
Также гюрзой вьётся
Горный серпантин,
И щекочет ноздри
Жженных скатов дым.
Желтые дувалы
Гордых кишлаков,
И слова азана
С Синих куполов.
БТР с «Утёсом»,
Парни на броне,
С Севера колонна
Снова снится мне.
Степи Диларама,
Горы Ризигар,
Южная столица
«Духов» – Кандагар.
И всё также ночью,
Как с брони, слетаю —
Воздух лишь разрежет
Грохот как набат,
Простыни-подушки —
Всё на пол сметаю
И ору истошно:
«Дайте автомат!»
Я – афганский пленник...
В памяти плену.
Навсегда запомнил
Ту, мою Войну.

Я не забыл тебя, Афганистан

Я не забыл тебя, Афганистан,
Страна песков и величавых гор,
Чьё тело в шрамах от кровавых ран,
И в чьей душе безвременья укор.

Я помню пыльный жар твоих дорог
И горный холод средь ночных светил.
Я помню боя кровь пьянящий смог,
Когда ни жить, ни сдохнуть нету сил.

Я помню эдельвейсов аромат,
Цветущих возле горного дувала,
И как вокруг нас вдруг разверзся Ад,
И чёрный дым горящего «Урала».

Я помню крик сержанта: «Уходи!»
Я видел... видел... нечто в его взоре...
И как потом рыдал почти без сил,
Уткнувшись в вертолётную гондолу.

Я видел, как стораает в небе «МиГ»
И как работают по духам «крокодилы»...
...Я видел. Помню. Знаю. Я постиг.
И я хочу, чтобы другие не забыли...

Третий тост

Салам, бача... Я рад, что ты приехал.
Садись за стол, обед как раз поспел.
Ну, расскажи, как жизнь, как к нам доехал?
Что делаешь, чем занят, что успел?

Рубай по-взрослому! Вот борщ, а вот и сало!
Сто грамм для вкуса... Ну, брат, за тебя!
Ух, как пошло! Теплом внутри обдало...
Давай вторую? Снова за тебя!

Покурим, брат! Мы не видались вечность,
И я тебя теперь не отпущу!
Пусть наша Память режет бесконечность,
Стремясь туда... на нашу, брат, Войну.

А помнишь, брат... Ты должен, ведь я помню...
«Зелёнку» нашу берегом реки?
И бой стремительный, и крик твой: «Я прикрою...
Дай два рожка, братишка! Уходи!»

Я помню этот бой, он для меня – святое...
«Зелёнка», «духи», гарь... потом твои слова...
Давай, братишка, третью... Не чокаясь и стоя...
За тех, кого нет рядом... Братишка, за тебя!

Три, один, двенадцать, восемь, семь

Последний день для года восемь-семь...
...Опять приказ, и мы уходим в горы.
Там по ночам измёрзлая капель
Играет в прятки с бусиной Авроры.

Там ночью звёзды – целый миллиард;
Они близки, рукою б зачерпнуть.
Там лунный свет – лимонный мармелад,
А воздух свеж; он так сжимает грудь!

Сидим и курим. Тихо и темно.
Застава дальняя по-над петлёй реки.
Афганской ночью ткёт веретено
Пацанской юности расхабистые дни.

Салага Юрка что-то говорит
Про город. Девушку. Про маму и про дом.
Про то, как сердце по ночам болит,
Про то, как засыпается с трудом.

Про то, как верит он в солдатский фарт,
Как время юное стремительно бежит...
Сидим и курим. Кто же мог бы знать,
Что пацану лишь ночь осталось жить?

С рассветом взводный выдохнул: «Пора...»
И вновь попятилась между кряжей дорога
Куда-то в прошлое, где не слышна война,
Где край Земли и кто-то верит в бога.

На той дороге Юрка впереди.
Он первым крикнул: «Парни, справа духи!»
Свинца пригоршню с Юркиной груди
Достанут через день хирурга руки...

Мы снова курим где-то между скал.
И бой тот в прошлом, что бы ни случилось...
И тут я вспомнил: «Пашка, я устал!»
И по щеке моей слеза скатилась...



Проза

Безвременье

Оно никогда не врёт.
Оно никогда не подводит.
Оно умеет быть быстрым, но и медлить Оно тоже обучено.
Оно всегда приходит, поздно или рано. И нельзя сказать, что более важно: иногда кажется, что Оно чересчур спешит; иногда же...
Оно – это Время.

Но есть вещи вне Его.
Вне Времени.
Им нет до Него дела.
Они как бы сами по себе – нет-нет, да и являются снова.
Порой через годы.
Изумруд молодой листвы.
Запах скошенной травы.
Стрекот кузнечиков на лугу.
Страх.
Боль.
Безвременье...

17 мая 1989 года. Моё двадцатилетие. Я сижу возле небольшого пожарного водоёма, выкопанного внутри единственного поста Второго, «сержантского», караула. Это САВ – склады авиавооружения аэродрома 15 Воздушной Армии под Екабпилсом. Я замначкар, призванный «в усиление авиаторам», и я мог бы оставаться в караулке, но там тесно и не свободно. Здесь же пахнет свежевыкрашенными дверями «капонилов» – подземных хранилищ – и весенними травами: непонятно, чей запах крепче, стойче, богаче. Здесь есть небо, наполненное мириадами звёзд. Прибалтийское небо. Небо Латвии.

Май 1989 года. То Время, о котором я запретил себе думать. Тем более – мечтать. Пытался запретить ещё тогда, почти двадцать три месяца назад. Одиннадцатого июля, когда мы, вчерашние студенты-первокурсники нескольких московских ВУЗов, сошли по ступенькам старого, скрипучего вагона дизель-поезда «Вильнюс – Шауляй» на перрон никому из нас не известной ранее станции Гайжюнай. Здоровенный сержант-десантник построил нас в колонну по четыре, и мы зашагали в новую для себя жизнь. Жизнь, из которой вернуться обратно суждено было не каждому.

Позже, уже под Гератом, в конце октября того же года, едва сбежав с аппарели «коровы» (Ил-76) на бетон взлётки, увидел неровный строй дембелей, спешащих занять нагретые нами места в чреве покинутой нами воздушной машины. Что-то в горле заёрзало, зашевелилось, и на несколько секунд я представил себя на месте одного из них – только через Время, в далёком мае 1989-го... Однако, уже через несколько минут совершенно другие «дембеля» наложили табу внутри меня на само это понятие – «Завтра». Деревянные ящики, размерами своими не оставлявшие сомнений о их содержимом, навсегда запретили мне думать и мечтать об этом Времени... думать о Завтра.

Я сижу и смотрю на звёзды.
Я всегда любил ночное небо и звёзды.

Ночное небо притягивает взор, оно не отпускает, завораживает, затягивает куда-то в себя, словно хочет поглотить навсегда. Словно хочет создать из тебя один из вот таких светящихся, переливающихся в дымке земной атмосферы гвоздиков, хаотично вбитых в чёрный бархат неба.

Мне не хорошо.

Не помогают ни запах трав, ни ночное небо, ни звёзды.

Сколько раз на боевых я вот так сидел и смотрел на звёздное небо?

Там.

За речкой.

В Афгане.

Сколько раз я не мог заснуть, поглощённый этой неопишуемой, фантастичной картиной афганского неба? Мне всегда казалось, что звёзды там совсем не такие, как дома. Они словно ярче, крупнее, ближе и до них можно дотронуться. Особенно в горах. Я смотрел на них, и мне казалось, будто бы это не какие-то там далёкие-предалёкие солнца, полные энергии сгорающих газов, а души... Души наших пацанов.

Того, с кем ещё вчера ел надоевшую перловую кашу с мясом из одной жестянки.

Того, с кем делил кров в брезентовой палатке, утеплённой досками от ящиков из-под снарядов.

Того, с кем на досуге спорил, чей город, чья Малая родина лучше.

Того, кому доверял свою жизнь, потому что в бою нельзя не доверять тому, кто от тебя слева или справа.

Того, чьё изодранное осколками мины тело затаскивал во чрево вертолёта...

Здесь звёзды совсем не такие, я был прав.

Они словно бы отделились от меня, как должна была отделиться, остаться там, за речкой, Война. Она позволила мне выжить, позволила мне остаться целым.

Остаться собой.

Но... собой ли?

Остался ли я тем же человеком, который однажды, двадцать три месяца назад, ранним утром впервые сошёл с поезда на пустынной станции Гайжюнай?

Осталась ли Война там?

Начальник караула прапор-вэвээсник сменил постовых и подошёл ко мне.

– О чём задумался, сержант?

Я не знаю, что ему сказать.

Про запах травы и краски?

Про звёзды?

Про Время?

А, может быть, про Души пацанов, в виде гвоздиков прибитых к бархату Неба? Огромного, как...

Как что?

Как Время?

Или... как Безвременье?

И мы, прошедшие ад войны, живём в этом Безвременье. Для нас нет Завтра. Оно никогда не наступит, и ни одно Время не сможет никогда сделать так, чтобы Завтра наступило.

Мы – навсегда там.

За речкой.

В Афганистане.

В Герате или Баграме.

В Кандагаре или Файзабаде.

В Калате или Адраскане.

В Мазари-Шарифе или Пули-Хумри.

В Шинданде или Газни.

В Джелалабаде или Лашкаргахе.

В Хосте или Чарикаре...

У каждого из нас – своё Вчера.

Но Безвременье – общее на всех.

Май, 1987 год. Lopdarzi, Krustpils pagasts, Латвийская ССР.

Нагаханский поворот

Здесь был свет.

Настоящий, электрический свет.

Он исходил от стеклянной колбы единственной в помещении лампочки, слегка раскачивающейся от сквозняка под белым потолком. Чуть мерцающий, он резал глаза, ещё не привыкшие к столь яркому буйству вольфрама, закупоренного в безвоздушное пространство внутри стекла. Не в силах более терпеть эту резь, его мозг дал команду векам, и они закрылись. Резь постепенно улеглась, успокоилась. А может быть, просто спряталась. Замаскировалась. Силась с окружающей обстановкой. Как «духи» сливались с камнями и пылью придорожных, почти отвесных склонов по обе стороны колонны. До поры, до времени сливались...

Веки снова раскрылись, но глаза смотрели уже в другую сторону. За окном, затянутым изнутри и снизу двумя кусками белой марли, играли на ветру концы маскети, как будто небрежно свисающей с брезентового тента. На подоконнике в глиняном высоком горшке стоял цветок-декабрист. Как у бабушки дома. Она любит декабристы. «Потому что цветут зимой», – вдруг подумалось ему. И название такое... декабрист. Гордое. Революционное. И цветут красным цветом.

Снова закрыть глаза. Переместить под веками зрачки в другое место и открыть. Что там будет? Вернее спросить, «Кто?» Потому что сосед. Весь в бинтах. Только левая рука свободна от белоснежной марли бинтов. Стонет. Постоянно глухо стонет. Ожоги дело серьёзное. Зато цел. Не отдал ни частички себя ни «духам», ни хирургам. Взрывом выкинуло вместе с дверью из кабины впередиидущего «наливника», на прощание обдав горящим керосином. Парни вовремя оттащили, потушили, не позволили зашашлычиться насмерть. Теперь жить будет. Немного, правда, страшным станет, из-за шрамов, швов и струпьев, которые обязательно будут...

Взгляд поймал едва уловимое шевеление. Это дёрнулась его правая рука, до этого покоящаяся под одеялом на груди. Грудь то поднимается вверх, словно поспевая за вдохом, то спускается вниз, соревнуясь уже с выдохом. Вдох-выдох, вдох-выдох. Вверх-вниз, вверх-вниз. Белоснежная ткань пододеяльника, хрустящая на ощупь от крахмала, и пахнет по-больничному: чистотой, стерильностью и медикаментами.

Пододеяльник... надо же! Он уже и забыл, когда в последний... нет! в крайний раз его одеяло было убрано в пододеяльник. Больше года... почти полтора... дома! А глаза снова устали... может быть, от чрезмерной белизны постельного белья, а может быть, от неровного света, исходящего из-под потолка. Он хотел, чтобы именно так было... потому что иначе... Об «иначе» он даже думать себе запретил. По крайней мере, до тех пор, пока не закончится действие анестезии. Почувствовав усталость, он прикрыл глаза и скоро погрузился в сон...

...Колонна «наливников» и «бомбовозов» с Севера успешно проскочила и горную, и пустынную части пути. Позади поочерёдно остались город Кишкинахунд, степи Сангсар и Заредаш, и по обе стороны дороги, разбавленная тут и там кишлаками и советскими заставами, потянулась знаменитая кандагарская «зелёнка» – богатая растительностью местность по правому берегу реки Аргандаб. Как и все пацаны из сопровождения, он устал от постоянного напряжения, и чем ближе была конечная цель колонны, тем заметнее беззаботное выражение на лицах друзей сменяло сосредоточенность и концентрацию. Единственное, что хоть как-то возвращало к суровой реальности рейда, были с завидной частотой попадавшиеся по обе стороны бетонки обгоревшие и скукоженные взрывами остовы – по сути, пропитанный ржавчиной и коррозией металлолом. Всё то, что осталось от когда-то грозной военной техники.

В пыльном облаке, поднятом колонной, немного увеличившей здесь свою скорость, он заметил левое ответвление от бетонки: поворот на Нагахан. Последнее, что смог увидеть он

в состоянии расслабленности, это карие глазёнки бачи – подростка, широко глядящие на него из-под плотно надвинутого на лицо пакуля – шапки-«пуштунки», с левой обочины дороги. Вдруг прогремел взрыв, и тучи пыли, и без того донимавшей всю дорогу каждого, сидящего на броне и под броней, взвились с утроенной силой, сократив видимость до нуля. Он слетел с брони в считанные мгновенья, и лишь тренированный частыми рейдами мозг подсказал ему, где, в какой стороне опасность. Звонкими трелями застрекотали автоматные очереди, перемежающиеся гулками выстрелами крупнокалиберных пулемётов, из «зелёнки» «духи» отвечали огнём гранатометов и винтовок. Подорванный «наливник» сквозь тучи коричнево-жёлтой пыли горел багрянцем, взметая вверх черноту сажневого дыма...

Он бросился к едва различимой в дыму и пыли обгоревшей конструкции, когда-то бывшей БРДМ, подкатился под защиту раскалённого солнцем металла и открыл огонь в сторону «духов». Через пару минут он понял, что можно сильно улучшить свою позицию, если сместиться немного влево: лежащая мостами вверх «бэ-эр-дэ-эмка» пулеметной башней привалилась на большой валун, создав прекрасную огневую позицию. Однако, едва начав ползком перемещаться к намеченной точке, он наткнулся на что-то мягкое... Послышался тихий стон, и перед его глазами оказался тот самый мальчишка, что проходил за секунду до взрыва по обочине дороги. Лицо подростка было в крови, правое плечо представляло собой огромную кровоточащую рану, из которой торчал кусок металла. Карие глаза по-прежнему широко были распахнуты и смотрели прямо на него, а губы что-то шептали – то ли просьбу, то ли молитву.

Он закинул за спину автомат и вытащил из нагрудного кармана бинт и шприц-тюбик с промедолом. «Сейчас, бача, сейчас... потерпи немного!» – прокричал он прямо в ухо мальчишке и сорвал белый колпачок шприц-тюбика. Сделал инъекцию обезболивающего в предплечье мальчишки и начал объяснять, не столько словами, сколько жестами: беги, мол, за колонну; там безопаснее; там медики. Но парнишка испуганно одернулся, попытавшись глубже забиться под остов техники. Понимая, что бачонку не справиться самому, он прихватил его за талию одной рукой и ринулся обратно к колонне, прикрывая маленькое тельце собой. И когда оставалась пара метров до спасительных бронемашин, он вдруг почувствовал, как его ноги одновременно будто споткнулись обо что-то непреодолимо огромное. Уже падая вниз, он всё-таки успел толкнуть от себя тело мальчишки вперёд... А мозг его уже отзывался жутким криком на дикую боль в обеих ногах ниже колен: «Ноги! Ноги, сука, но-о-о-о-оги...»

...Едва освободившись ото сна, он рывком сел на койке. В мозгу пульсировало одно и то же: «Ноги! Ноги, сука, но-о-о-о-оги...» Его глаза сантиметр за сантиметром испуганно, словно щупом миноискателя, сканировали белоснежную ткань пододеяльника, перемещаясь всё дальше и дальше к дальней спинке кровати. Грудь. Живот. Бёдра. Колени.

Дальше белизна пододеяльника резко уходила вниз, сравниваясь с уровнем матраса...

Marg Bar Shouravi!¹

Дорога домой

Короткая июньская ночь за окном заканчивалась, и за макушками пролетающих за окном деревьев заметно посветлело. Кирилл так и не смог заснуть; едва смыкались его глаза, перед ним во всей своей мощи вновь и вновь вставали горы. Его горы. И по горной дороге, по сложному серпантину, воняя соляровкой, порохом и потом, шла большая колонна «наливников» и тентованных КамАЗов, перемежаемых для защиты бронированной военной техникой. Кирилл видел колонну как бы со стороны и сверху, с одной из высот, таких удобных для расстрела колонны. Вдруг из-за расщелины в склоне горы появлялся сначала серо-белый тюбан «духа», а затем и охваченный мощными руками гранатомёт. И напрасно Кирилл во всё горло начал орать: «Славка! Слава!!! Славка-а-а-а!!!! Слева сверху „духи“!!!», выстрел всё равно последовал, и первый БТР, охваченный огнём, резко съехал с края дороги в обрыв... Вместе со Славкой. С другом Славкой, с которым Кирилл прошёл всю службу бок-о-бок с самой «учебки» в Гайжюнае...

Сейчас Кирилл лежал на верхней полке своего купе и смотрел, как на востоке зарождается новый день. Уставшее за последние несколько суетливых суток тело за время поездки отдохнуло, ноги перестали гудеть в икрах. Но сон так и не пришел к нему в эту ночь. Кирилл сел, свесил ноги в проход между спальными местами и прыгнул вниз. Его попутчики – молодая семейная пара с девочкой лет десяти – спали каждый на своём месте. Кирилл нащупал ногами кроссовки, одел их и, не завязывая, вышел в корридор. Приглушённо горел свет, и с этой стороны за окнами, казалось, ещё всюду празднует июньская короткая ночь. В опущенное неподалёку окно влетал поток прохладного воздуха, и Кирилл зябко поёжился: стоило, наверно, накинуть на плечи «хэбэшку». Сейчас же его торс покрывал только тельник, плечи и руки Кирилла были голы.

Нащупав в кармане брюк помятую пачку сигарет и коробок спичек, Кирилл двинулся в сторону тамбура. Вагон принялся раскачиваться из стороны в сторону, колёса перестукивались друг с другом на входных стрелках какой-то станции или полустанка, и Кириллу не сразу удалось поймать кончиком сигареты пламя зажжённой спички. В нос попал дымок с запахом сгорающей древесины, а затем струя табачного дыма в полную силу овладела его дыхательной системой. Кирилл глубоко затянулся и посмотрел через стекло тамбурной двери; на фоне рассвета замелькали какие-то сооружения и строения. Он прижался к пыльному стеклу и разглядел надпись на пролетающей мимо пассажирской платформе: «Тарусская». Значит, ехать оставалось около двух часов.

Сделав завершающую затяжку, Кирилл вернулся в купе, залез на свою полку и через минуту заснул беспокойным сном. Ему приснилось лицо девчонки-попутчицы, широко распахнутые глаза и, словно записанный карандашом на клочке бумаги вопрос: «Дяденька! А почему у тебя медали, как у моего дедушки?»

¹ Среди «духов» был распространён лозунг: «Marg bar shouravi» (на дари: «یوروش رب گرم» – «неси смерть советским»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.